

Услышав шаги и голос за дверью, Лю И натянул одеяло на самую макушку, свернувшись под ним плотным клубком.

— Скажи, что я сплю!

— Молодой господин, пора принимать лекарство, — вновь донеслось из-за двери настойчивое напоминание старого управляющего.

Одеяло приоткрылось, явив миру лишь узкую щелку. Лю И отчаянно замахал руками на сидящего рядом Ци Цзяня, беззвучно умоляя того подыграть.

Ци Цзянь с пониманием кивнул и, повернувшись к двери, громко крикнул:

— Дядюшка, Ючэнь просил передать, что он уже спит!

Лю И от такой помощи лишился дара речи.

За дверью послышался добродушный смех:

— Наш молодой господин с самого детства терпеть не может горечь. Каждый раз, как нужно пить отвар, придумывает сотню отговорок.

Поняв, что скрываться больше нет смысла, Лю И сердито откинул одеяло и сел на постели, наградив предателя свирепым взглядом.

— Ну вот зачем так нагло меня выдавать? Где моё благородное достоинство?

Ци Цзянь лишь невинно склонил голову набок и обезоруживающе улыбнулся.

«Подразнил и теперь строит из себя невинного младенца? Где справедливость в этом мире?»

Лю И на мгновение растерялся и машинально облизнул губы. То ли ему казалось, то ли за те два дня, что они не виделись, Наследный принц Ци действительно неуловимо изменился. Вот только в чём именно крылась эта перемена, Лю И понять не мог.

— Если молодой господин желает сохранить лицо, ему стоит поскорее опустошить пиалу, — старый управляющий с тихим смешком вошел в комнату и поставил дымящийся отвар на столик, выставив следом крошечное блюдце. — Прошу вас, выпейте всё до капли, а после сможете заесть сладостью.

При виде засахаренных фруктов Лю И почувствовал себя совсем неловко:

— Хорошо, хорошо. Я выпью чуть позже, честное слово.

Управляющий хотел было возразить, но Лю И упрямо замотал головой. Помня о присутствии гостя, старик лишь раздосадованно вздохнул и, заставив молодого господина пообещать, что тот не оставит лекарство остывать, наконец покинул спальню, то и дело оглядываясь у самого порога.

— Так ты, оказывается, любишь сладкое? — Ци Цзянь уставился на блюдце с цукатами, забавно надув щеки.

«Он что, решил окончательно меня умирить?» — Лю И с трудом подавил искушение ущипнуть юношу за мягкую щеку.

— Дело не в сладостях, а в том, что отвар невыносимо горький.

— А, значит, ты и вправду боишься горечи, — закивал Ци Цзянь с самым серьезным и правоучительным видом. — Но если не пить лекарства, болезнь не отступит.

— Тебе легко говорить, не тебе же это пить, — проворчал Лю И, упрямо пряча руки под одеяло и даже не думая тянуться к пиале.

Ци Цзянь со вздохом взял теплую посуду со стола и поднес к его лицу.

Лю И тут же отшатнулся. Убедившись, что шаги управляющего затихли в коридоре, он заговорщически прошептал:

— Ушел! Быстрее, вылей это в цветочный горшок.

— Ты не станешь пить? — Ци Цзянь недовольно нахмурился.

— И не подумаю. Какая гадость! — Лю И замотал головой из стороны в сторону и попытался перехватить пиалу, намереваясь избавиться от содержимого.

Однако Ци Цзянь оказался быстрее. Ловким, отточенным движением он увел чашу из-под рук друга, не пролив при этом ни единой темной капли.

— Пей, — непреклонно потребовал он, вновь удерживая лекарство перед самым носом Лю И.

Тот сердито уставился на колыхавшуюся темную жидкость, его брови сошлись на переносице:

— Кому надо, тот пусть и пьет. А я не прикоснусь.

Видя такое упорство, Ци Цзянь растерялся. Отец всегда учил его: настоящий мужчина должен оберегать и баловать того, кто ему дорог. Но ведь потакать капризам в ущерб здоровью тоже нельзя!

Задумавшись, юноша нахмурился, а затем внезапно протянул руку и прижал ладонь ко лбу Лю И.

— Эй, ты чего удумал? — опешил Лю И, инстинктивно пытаясь уклониться от прикосновения.

— Не двигайся, — мягко, но настойчиво остановил его Ци Цзянь. Едва его пальцы коснулись кожи друга, он почувствовал, какая она горячая. Наследный принц нахмурился еще сильнее: — Ты ведь все эти дни вообще не притрагивался к лекарствам, верно?

Лю И виновато моргнул и тут же отвел взгляд в сторону, не зная, куда деваться от этого пронизательного взгляда.

Пока Ци Цзянь дома с ума сходил от беспокойства, переживая, почему его другу не становится лучше, этот несносный больной просто избавлялся от всех снадобий! Ци Цзянем овладела смесь досады и тревоги. Больше не тратя слов на уговоры, он решительно придвинул пиалу ближе.

Лю И пятился, пока не уперся спиной в спинку кровати. Поняв, что отступить некуда, он просто повалился навзничь на подушки и запричитал:

— Не буду! Если так хочется — сам пей эту отраву!

Поскольку он соблюдал постельный режим, на нем были лишь легкие домашние одежды. Из-за недавней возни с одеялом тонкая ткань воротника распахнулась, приоткрывая ключицы.

Взгляд Ци Цзяня скользнул по обнажившейся белой коже шеи. Сделав резкий вдох, юноша порывисто отвернулся.

«Надо же, какой благовоспитанный юноша. Свято чтит правила приличия», — Лю И мысленно усмехнулся.

Однако смущение Ци Цзяня длилось недолго. Не прошло и пары мгновений, как он упрямо повернул голову обратно. Более того, не давая больному опомниться, он ловко взобрался на постель и сел прямо поверх чужих бедер, по-прежнему бережно удерживая чашу с отваром.

— Слезь с меня! Ты что творишь?! — глаза Лю И округлились от изумления. Если бы не слабость от лихорадки, он бы вмиг скинул наглеца с себя.

— Если я сделаю глоток, ты выпьешь остальное? — спросил Ци Цзянь, упорно глядя исключительно на темную гладь отвара, чтобы ненароком вновь не уставиться на чужую шею.

Лю И внезапно почувствовал странный холодок. Неловко угукнув, он поспешно натянул воротник повыше, прикрывая кожу.

— Идет. Я начинаю, — получив некое подобие согласия, Ци Цзянь поднес пиалу к губам и сделал приличный глоток.

Лю И опешил:

— Ты с ума сошел?! Зачем ты пьешь чужое лекарство, чудо ты в перьях?

Пока он возмущался, Ци Цзянь уже проглотил горькую жидкость и, забавно сморщившись, примерился сделать второй глоток, чтобы покончить со снадобьем.

Забыв о нелепости их положения, Лю И рванулся вперед и вцепился в края пиалы:

— Стой, глупый! Всякое лекарство — наполовину яд. Отдай мне!

— Выпьешь сам? — Ци Цзянь замер, выжидающе глядя на него сверху вниз.

— Выпью, выпью, будь ты неладен! — взмолился Лю И. Он решительно не понимал этого парня. С виду — утонченный, тихий книжный червь, а на деле — стихийное бедствие, прущее напролом. То в драку ввяжется без предупреждения, то вот теперь чужие лечебные отвары глутит. С ним вечно теряешься и не знаешь, чего ждать в следующую секунду.

— Не обманешь? — Ци Цзянь недоверчиво протянул ему чашу, но тут же слегка отстранил ее обратно. — Если выльешь, я самолично пойду к дядюшке-управляющему и попрошу приготовить новую порцию.

— Да выпью я, выпью. Только слезь сначала, сделай милость, — сокрушенно выдохнул Лю И.

Лишь после этого Наследный принц послушно сполз с его ног и чинно уселся на край кровати.

Зажав пальцами нос, Лю И в несколько жадных вдохов осушил посуду до дна. Лицо его исказилось от отвращения. Он торопливо схватил с блюда пару засахаренных кусочков и отправил их в рот.

Его нежелание пить отвары было вполне объяснимо. В прошлой жизни при любой хвори достаточно было проглотить пару безвкусных таблеток, запив их водой. Местная же

традиционная медицина предлагала невероятно горькую жижу с резким травяным запахом, одолеть которую казалось настоящим подвигом.

Разгрызая сладость, Лю И взял с тарелочки еще один кусочек и протянул его Ци Цзяню:

— Ну ты и кремень. Даже не поморщился. Держи, заешь эту гадость.

Ци Цзянь отрицательно покачал головой и слегка отстранился.

— Не любишь сладкое? — удивился Лю И, не сдержав улыбки. — Странно. Что за ребенок не любит сладости?

— Ты старше меня всего-то на год с небольшим, — обиженно буркнул тот, вновь надувшись.

«Ну, это как посмотреть. Если прибавить мою прошлую жизнь, то я старше тебя как минимум вдвое», — подумал Лю И. Глядя на недовольную мину Наследного принца, он почувствовал, как в нем просыпается дух ребячества.

— Год — это тоже разница. Ну же, раз я старше, назови меня «гэгэ».

Ци Цзянь промолчал, отведя взгляд.

Лю И забросил отложенный кусочек сахара себе в рот и, перекатывая его за щекой, продолжил поддразнивать собеседника:

— Ну давай, не упрямься. Я только что совершил невозможное и выпил эту горькую отраву. Неужели сложно сказать одно слово, чтобы поднять мне настроение?

«Поднять ему настроение?.. Пожалуй, это стоит сделать».

Ци Цзянь медленно повернулся к постели. Стоило ему встретиться взглядом с влажными, подернутыми легкой лихорадочной дымкой глазами Лю И, как его сердце пропустило удар. Он смущенно облизнул пересохшие губы и тихо произнес:

— Братец Лю.

Чистый, еще не успевший огрубеть юношеский голос придал этому простому обращению неожиданно нежное звучание. Лю И затаил дыхание, в горле у него внезапно пересохло.

Едва сорвавшиеся с губ слова растаяли в тишине комнаты, Ци Цзянь осознал, что натворил, и поспешно опустил голову, пряча горящее лицо.

Справившись с мимолетным замешательством, Лю И с трудом выдавил из себя:

— Поверить не могу... Ты и впрямь такой простодушный? Стоило в шутку попросить, как ты сразу согласился?

Кончики ушей Ци Цзяня вспыхнули пунцовым цветом.

— Так дело не пойдет, Ци Цзянь, — Лю И деланно кашлянул, пытаясь развеять внезапно сгустившуюся в комнате неловкость. — Будешь таким покладистым — будущую жену разбалует до крайности.

— Разве супругу не положено баловать и оберегать? — Ци Цзянь удивленно поднял на него свои темные, невероятно ясные глаза, напоминавшие чистые озерные воды. — Или... тебе самому не нравится, когда о тебе заботятся?

Разговор принимал всё более двусмысленный оборот. К чему были эти расспросы? Может, Ци Цзянь имел в виду, собирается ли сам Лю И баловать свою будущую половинку, но от смущения просто запутался в словах?

Лю И весело покачал головой:

— О каких женах ты говоришь в нашем возрасте? Лично для меня нет ничего важнее родных людей.

— В какой час он покинул усадьбу? — спросил Ци Цзянь. Он сидел в уединенной беседке просторного двора, и вид у него был крайне недовольный.

Сяосы назвал точное время и, немного подумав, поспешил добавить:

— Супруга наследного принца изволил сказать, что обернется в один миг.

Ци Цзянь раздраженно хмыкнул:

— В один миг? Его нет уже почти два стража. Выражаясь его излюбленными словечками — целых четыре часа! Двести сорок минут! Четырнадцать тысяч четыреста секунд!

— Не изводите себя так, молодой господин, супруга наследного принца вот-вот возвратится, — уверенно произнес Сяосы. — Сегодня ведь день первого визита в дом тестя после свадьбы, он никак не может опоздать.

Ци Цзянь неохотно кивнул, соглашаясь с доводами слуги. Ему слишком хорошо было известно, как сильно Лю И дорожит своей семьей. Раз уж он не сбежал со свадебной церемонии, то теперь, после заключения брака, тем более не станет скрываться.

Однако доводы разума плохо успокаивали встревоженное сердце. Просидев в томительном ожидании еще немного, наследник вновь взглянул на вечеряющее небо и тяжело вздохнул. Минувло пять лет. За эти годы он несчетное количество раз задавался вопросом: что на самом деле творится в мыслях у Лю И?

Ведь тогда, в юности, они дали друг другу обещание...

Заметив, как помрачнел его господин, Сяосы поспешил сменить тему разговора:

— Молодой господин, сегодня утром супруга наследного принца очень удивился, когда увидел ту картину.

— Что так? — Ци Цзянь коснулся пальцами висков и устало выдохнул. — Неужели счел моё мастерство ничтожным? С его-то умением держать кисть только чужие рисунки и критиковать.

Сяосы припомнил художества Лю И и искренне закивал:

— Ну что вы, вовсе нет! Просто он сразу же узнал ваш почерк. Столько лет прошло, а он всё помнит.

При мысли об этом на душе у Ци Цзяня стало немного теплее, однако воспоминание о полученном утром письме вновь заставило его нахмуриться.

Послание пришло от Цзян Фэнюя. Как бы сильно Ци Цзяня ни грызла ревность, он не мог позволить себе тайно утаивать чужие письма — напротив, ему пришлось немедленно отправить слугу, чтобы передать весточку супругу. С того момента прошло уже больше половины дня. О чём они могли так долго толковать? Что за важные дела не терпят отлагательств?

Этот Цзян Фэньей только притворялся простодушным и благонравным ученым, на деле же всегда оставался весьма хитрым соперником. Еще во времена учебы в Императорской академии он тайно засматривался на Лю И, и Ци Цзянь прекрасно это помнил.

Теперь, когда Лю И официально стал его законным супругом, этот наглец по-прежнему не оставлял попыток приблизиться.

Ци Цзянь слегка прищурился:

— Он еще в академии строил свои козни. Вечно искал предлоги, чтобы заманить моего Ючэня

на совместный обед.

Сяосы усердно поддакивал каждому слову хозяина.

— Одного раза ему казалось мало, он напрашивался снова и снова, — голос Ци Цзяня становился всё холоднее. — Немыслимая дерзость.

— Но ведь у него ничего не вышло, — мягко напомнил слуга. Уж он-то помнил те дни: совместная трапеза так и не состоялась, а настойчивость этого книжника лишь подтолкнула молодого господина Лю искать встречи с самим наследником Ци.

В то время Ци Цзянь, только что получивший строгий выговор от отца, пребывал в смятении и еще не до конца разобрался в собственных чувствах. Кто бы мог подумать, что последующие события перевернут всё с ног на голову? Увидев, как другие обижают молодого господина Лю, всегда сдержанный Наследный принц, чтивший правило «благородный муж действует словом, а не кулаками», мгновенно пришел в ярость. Вспоминая об этом, Сяосы до сих пор невольно вздыхал от изумления.

— Как думаешь, они пошли в какой-нибудь ресторан? — Ци Цзянь вновь недовольно фыркнул. — Впрочем, этот Цзян понятия не имеет о вкусах моего супруга. Наверняка опять попал впросак со своими угощениями.

Вспомнив о предпочтениях мужа, наследник невольно воскресил в памяти приторно-сладкие пирожные с османтусом. Он изогнул бровь:

«Надо же, когда-то он смеялся над тем, что я не ем сладкое... Ну хорошо, сегодня я лично выясню, какие блюда он терпеть не может».

— Кто... чего не ест? — раздался у дверей знакомый голос.

Лю И стоял на пороге, удивленно хлопая ресницами:

— Это ты обо мне?

<http://bllate.org/book/20072/2001750>